

решения, но и во многих случаях берут на себя также защиту своих последователей». Следовательно, для лидера в культуре важно гармоническое сочетание желания и умения.

Для самореализации творческих личностей в культуре характерен парадокс: интроверты чаще других становятся лидерами (Я. Коломинский). Казалось бы, интроверт-живописец (В. Ван Гог) или интроверт-поэт (Ш. Бодлер) – явление вполне естественное. Но интроверт-режиссер или интроверт-дирижер – едва ли не оксюморон. Однако феномен, подобный крупнейшему российскому режиссеру А. Эфросу, психологически вполне объясним. Очевидно, ответ здесь кроется в том, что лидерами становятся не все интроверты, а лишь те, о ком психология говорит как о «звездах».

Различая понятия «лидер» и «руководитель», можно отметить, что руководитель в научной сфере или в сфере производственной может осуществлять свои функции, не являясь лидером в эмоциональном отношении. В культуре (в частности, художественной) это практически невозможно – скорее наоборот: чтобы «добиться полного использования способностей подчиненных, руководитель должен вызывать у них соответствующий отклик, осуществляя лидерство».

Выявление параметров личности в культуре носит эмпирический характер; в то же время отсутствует система специальной подготовки и социокультурной адаптации лидеров в культуре. Вследствие этого данный культурный феномен является уникальным и невозпроизводимым.

Библиографический список

1. Вахтангов, Е. Записки. Письма. Статьи [Текст] / Е. Вахтангов. – М.; Л.: Искусство, 1939. – 405 с.
2. Зиммель, Г. Философия культуры [Текст]: в 2 т. / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996.
3. Коломинский, Я. Человек среди людей [Текст] / Я. Коломинский. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 240 с.
4. Кричевский, Р., Дубовская, Р. Психология малой группы [Текст] / Р. Кричевский, Р. Дубовская. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
5. Кунц, Г., О'Доннел, С. Управление [Текст] / Г. Кунц, С. О'Доннел // Системный анализ управленческих функций – Т. 2. – М.: Прогресс, 1982.
6. Мангейм, К. Проблема интеллигенции: Исследования ее роли в прошлом и настоящем [Текст] / К. Мангейм. – М.: Мысль, 1993. – 250 с.
7. Современная зарубежная социальная психология [Текст]. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 255 с.
8. Социально-психологические проблемы научно-технического прогресса [Текст]. – Л.: Наука, 1982. – 188 с.
9. Станиславский, К. Собрание сочинений [Текст]: в 8 т. – М.: Искусство, 1958-1961.
10. Теория общества: фундаментальные проблемы [Текст]. – М.: «Канон пресс-Ц», 1999. – 416 с.
11. Шибутани, Т. Социальная психология [Текст] / Т. Шибутани. – М.: Прогресс, 1969. – 535 с.

Н.А. Кочеляева

ЗАБВЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ: АКСИОЛОГИЯ НАМЕРЕННОГО РАЗРУШЕНИЯ

Статья посвящена значимой для развития интегративных научных подходов к историко-культурной проблематике теме культурной памяти.

N.A. Kocheliaeva

OBLIVION IN THE CULTURE: AXIOLOGY OF THE DELIBERATE DESTRUCTION

The article is devoted to the important topic of historical-cultural problem for the development of the integrative scientific approaches.

Тема памяти в культуре неизменно сопряжена с темой забвения, сопровождающей всякое практическое действие, направленное

на увековечение образов событий, людей и т.д. Процесс создания одних культурных ценностей всегда неотделим от процесса разру-

шения других, и в этом смысле ценность намеренного уничтожения обладает особой значимостью.

В современных отечественных и зарубежных исследованиях достаточно полно представлены как теоретические, так и методологические разработки вопросов, связанных с изучением роли памяти в культуре. Однако неостребованность и отсутствие работанности в научных исследованиях темы забвения и разрушения культурных ценностей требует определенной ее оценки.

Настоящая статья имеет своей целью определить статус и место намеренной амнезии в человеческой культуре и истории. Множество примеров, связанных с созданием культурных ценностей, демонстрирует нам, что эти процессы диалектически и логически не отделимы от сопутствующих им разрушительных тенденций [1], поскольку всегда сопряжены с проблемой воли и выбора человека, который на разных уровнях – общечеловеческом, государственном или частном – определяет возможность или усугубляет необходимость сохранения в исторической памяти образов исторических событий, масштабных фигур и действий в общечеловеческом культурном багаже.

Для анализа феномена забвения в культуре избраны примеры из истории, связанные с переломными моментами в развитии государств или цивилизаций, когда происходила замена одной религии другой, либо наступало время новой идеологии, а также ряд других явлений, в которых особая роль отводилась сознательному «вымарыванию» памяти.

Наиболее ярким и показательным примером, на наш взгляд, является ряд последовательных разрушений и созиданий культовых памятников, которые происходили на территории Палестины в I-IV веках нашей эры. Все эти следовавшие друг за другом перемены повлекли за собой как разрушение старых памятников, так и строительство новых, либо приспособление старых культовых зданий для целей их новых владельцев. Данный пример избран для иллюстрации, поскольку очень хорошо информационно обес-

печен: Иерусалим – священный город трех религий – всегда находился в центре внимания человечества, особенно на заре становления христианства и его развития на протяжении всего средневекового периода. Этому городу предопределена была насыщенная историческими и культурными событиями судьба, на многие века связанная с различными религиями.

Первое значительное разрушение памятников еще иудейского Иерусалима произошло в 70-е гг. первого столетия, когда уже побывавший в составе провинции Римской империи город был освобожден коренным населением в результате восстания иудеев против римлян (66-70 гг.), а затем в 70-ом г. после пятимесячной осады жестоко покорен войсками Тита, сына императора Веспасиана. Тогда были разрушены практически до основания и город, и главная святыня иудеев, никогда уже более ими не восстановленная, – храм на священной горе Сион, выстроенный царем Соломоном.

Более полувека разрушенный Иерусалим оставался в запустении и забвении, влачил жалкое существование убогого гарнизонного города, пока весной 130-го г. римский император Публий Элий Адриан не посетил Иерусалим по пути следования в Египет. Получив в наследство от своих предшественников огромные территории от Британии, Галлии и Испании на западе до Парфянского царства на востоке, император Адриан предпринимает попытки консолидировать население страны на основе общих религиозных верований, выстраивая новые города, храмы, дороги. Так, на месте Иерусалима в этом же году начинается строительство нового города – Элия Капитолина, названный в честь родового имени императора.

Работа по благоустройству нового города сопровождалась не только строительством языческих храмов, но также изданием ряда указов императора, в числе которых были запрет на обрезание, изучение Торы и тому подобное – меры, жестко регламентирующие религиозные нормы в Римской империи.

Отметим один интересный факт. Исследователь истории еврейского народа и проблем сохранения национальной идентичности Йосеф Хаим Йерушалми в своей монографии «ЗАХОР («Помни»): Еврейская история и еврейская память» приводит отрывок текста из поминального плача в день 9 Ава (день разрушения Второго храма), который заканчивается так: «Моисей вел меня и Аарон направлял меня, когда я покидал Египет, Навуходоносор и император Адриан, – когда я покидал Иерусалим». И затем в развитие темы автор приводит текст следующего содержания: «"Память" об изгнании из Иерусалима утверждается и усиливается путем последовательного повторения контрастных сравнений с Исходом из Египта, этим архетипическим узлом еврейской исторической системы отсчета. Любопытно появление Адриана вместо Тита и Веспасиана, но за исключением этого поминальный плач почти лишен конкретных исторических деталей» [2].

Автор самой оригинальной истории еврейского народа и истории его памяти оказывается в недоумении, почему в тексте поминального плача вдруг появляется фигура Адриана, а не Тита и Веспасиана, которые стали физическими разрушителями иерусалимского храма. Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, заключается в следующем. Ведь именно с Адрианом евреи связывали надежду на восстановление Иерусалима и Храма, и именно он лишил спустя 60 лет после разрушения Второго храма священный город иудеев его священного имени, он запретил читать Тору и делать обрезание. Можно исповедывать веру вне Храма, но ее нельзя исповедывать, утратив имя, утратив Писание, утратив Предание и пренебрегая ритуалом. Личность императора Адриана в коллективной памяти евреев оказалась значительнее и страшнее фигур непосредственных разрушителей храма именно в силу того, что Публий Элий Адриан посягнул на так бережно хранимые остатки проявления этнической и религиозной, что в данном случае практически одно и то же, идентичности еврейского народа. И здесь важен не сам акт разрушения храма, а более значи-

мая вещь – разрушение сущности веры, а значит, смысла жизни этого народа!

Как видим, проводимая императором Адрианом политика консолидации населения страны совершенно закономерно включала в себя такие элементы, как благоустройство страны, разработку и внедрение в жизнь общей «идеологической платформы», в данном случае основывавшейся на реформировании религии в пользу доминирующего в то время язычества в его римском варианте. Однако продуманные и оправданные с точки зрения объединения различных территорий в целостное государство действия императора совершенно не вписывались в контекст культурной парадигмы развития иудейского народа.

Иудеи, окончательно утратившие свой священный город, нашли в себе силы возразить императору-просветителю восстанием Бар-Кохбы, которое длилось три года (132-135 гг.). Попытка защитить свои духовные ценности и уйти от культурного забвения в конечном итоге была жестоко подавлена. На развалинах древнего Иерусалима возникает новый город, посвященный трем богам капитолийского пантеона: Юпитеру, Юноне и Минерве. Город был выстроен согласно римским градостроительным канонам, отдельные части его до настоящего времени сохраняют печать античности, не исчезнувшей даже вследствие будущих перестроек.

Прошло менее двух столетий, и к Иерусалиму вновь было приковано внимание римского императора, на этот раз Константина Великого. К этому моменту христианство благодаря Миланскому эдикту (313 г.) получило статус *religio licita*, и его адепты принялись проводить политику построения нового Иерусалима – Иерусалима христианского. На Первом Вселенском Соборе в Никее (325 г.) император Константин ответил согласием на просьбу архиепископа Элии (Иерусалима) Макария снести храм Афродиты и разыскать гробницу Христа, расположенную, по мнению иерусалимских христиан, как раз под этим храмом. Так, мы снова сталкиваемся с проблемой намеренного разрушения, которое

повлечет за собой создание новых культурных ценностей.

Как известно из церковного Предания [3], после «благочестивых раскопок» императрицы Елены была найдена гробница Христа, был обретен крест, на котором Иисус был распят, определено место распятия. Все эти места вошли в состав выстроенного за десять лет архитекторами Зеновием и Евстафием по заказу императора Константина великолепно храмового комплекса, в который был включен Мартирий и примыкающая к нему базилика. Разрушение храма Афродиты и постройка на его месте комплекса почитания Христа вылились в своеобразную демонстрацию победы христианства над язычеством, впоследствии закрепившуюся и проявившую себя в создании на протяжении семнадцати столетий огромного количества культовых построек и иных памятных мест в Палестине.

Аналогичные механизмы взаимодействия созидания и разрушения можно выявить и в недавнем советском прошлом, когда менее чем за сто лет дважды сменилась идеологическая парадигма.

Отметим не только разрушение памятников культуры в конце 20-х–30-х гг. минувшего столетия, но также и перемену названий улиц, когда уже возвращенные нам и снова ставшие привычными Рождественка, Ильинка, Никольская стали называться улицами «Жданова», «Куйбышева», «25-го Октября» и т.д. И только небольшое количество московских старожилов и краеведов-любителей сохраняли в своей памяти знание подлинной московской топонимики. Кроме того, памятники эпохи Российской Империи были снесены, их место заняли образы вождей пролетариата, поставивших себе на службу лучшие творческие силы, которые, надо сказать, с честью (если иметь в виду эстетический аспект их произведений, о другом речи быть не могло – время диктовало свои условия) выполнили поставленные перед ними задачи.

Вторая смена привычных ориентиров произошла в начале 90-х, когда московским улицам возвратили их исконные названия, памятники вождей снесли, поначалу свалив

их в груды под открытым небом, а затем определив им место в музее (все-таки художественная ценность!). Привычная идеологическая система была разрушена, а ее место постепенно заполняет православие, вытесненное после Октябрьской революции в маргинальное поле идеологической парадигмы, но в настоящее время вновь возвращенное к жизни в качестве одного из мощных ориентиров современной культурной политики России [4].

Приведенные нами примеры являются яркими свидетельствами сосуществования, можно даже сказать, сопутствия двух взаимодополняющих друг друга факторов – культуры намеренного увековечения и культуры намеренного разрушения.

Еще один аспект, раскрывающий связь между культурой памяти и забвения, иллюстрирует пример из истории средневекового Египта. Речь пойдет об известном феномене истории – так называемом иностранном легионе. В данном случае сосредоточим свое внимание на создании института мамлюков – дворцовой гвардии мусульманских египетских правителей, возникновение которого исследователи относят к IX-X векам [5].

В этой конкретной исторической ситуации имеет важное значение тот факт, что гвардия мамлюков была сформирована из воинов-рабов, как правило, купленных еще детьми в разных странах, затем прошедших специальную воинскую и идеологическую подготовку. Основное качество, определявшее безграничную преданность гвардейцев правителю, заключалось в том, что похищенные еще в детстве эти воины утратили связь со своими местными обычаями и не обрели связи с традициями Египта, на службу правителю которого они были поставлены. «Мамлюки должны быть независимы от государственного аппарата, правительства и чиновников. Они подчинялись только своему господину, правителю», – пишет исследователь этой проблемы А.Ш. Кадырбаев [5].

Особую значимость в этом контексте для раскрытия темы забвения в культуре имеет утрата национальной идентичности, стира-

ние присущей каждому этносу «родовой памяти». Как следствие этого у мамлюков формировалась абсолютно новая идентичность гвардейца (вспомним факт идеологического и воинского воспитания), безгранично преданного правителю Египта – халифу. Такого рода намеренное уничтожение родовых, этнических, социальных, семейных и тому подобных связей служит своего рода освобождением фундамента, расчисткой площадки памяти для последующего формирования новых идеологических, религиозных, социальных и других связей.

Аналогичным образом поступали и недавние правители СССР. Начиная с 1937 г. они не просто уничтожали цвет российского общества (представителей творческой и интеллектуальной элиты), а изымали из привычных социальных и семейных условий их детей, помещая их в детские дома, где власть имела возможность навязывать им свои идеологические, мировоззренческие и культурные устои.

Наконец, еще один кажущийся очень важным пример намеренного разрушения является нам практика «благочестивого вандализма» в отношении святых мест христиан-паломников. Приведем цитату из «Проскинитария» Арсения Суханова, бывшего в Иерусалиме в 1651-1652 гг. и оставившего, помимо обмеров важнейших христианских комплексов почитания, еще и ряд ценнейших наблюдений и заметок о культурных традициях паломников и местных жителей Святой земли.

Описывая местоположение тела Христова (в так называемой Кувуклии, особом строении в виде небольшой двухкамерной часовни, расположенной в центре ротонды иерусалимского храма Гроба Господня), А. Суханов приводит следующие сведения: «И так та лавочка самороднаго камня, на немже лежало тело Христово, обложена вся белым мрамором, досками, для того, что если бы не было тако оклеено мрамором, ино все разнесено было бы; понеже на всяко лето и ныне приходят православные христиане, також и еретицы зовоми, а вси хотят взять на

благословение того камня и прочих святых мест, и приходят целовать с шилами и долотцами, и тайно колупают; а если б повелено было, инобъ толикими летами многими, не токмо ту лавочку, или полатку, еже есть гроб Христов, разнесли, но и всю бы гору ту до основания разнесли; також того ради и гора Голгофа вся мраморами оклеена» [6].

В этом кратком фрагменте «Проскинитария» можно выделить следующие аспекты, связанные с проблематикой «сохранения-разрушения». Во-первых, отметим, что проблема сохранения христианского культурного наследия ни у кого из русских паломников ранее не звучала, да еще с такой остротой. Разрушение этого памятника в результате хищений паломниками его частей поставило под угрозу само существование места погребения Христа. В связи с этим были приняты меры по сохранению гроба Господня, а также горы Голгофы.

Во-вторых, это разрушение предполагает еще один смысл. Вывозимые многочисленными паломниками каменные кусочки гроба Господня или фрагменты скалы Голгофы, представляющие как сакральные предметы исключительную ценность для верующих, впоследствии помещались в драгоценные обрамления и «экспонировались» в многочисленных храмах как величайшая святыня. Последствием «благочестивого вандализма» становилась практика создания новых культурных ценностей. В проблематике аксиологии намеренного разрушения интересно отметить, что оно имеет в качестве результата обратный эффект. Практика разрушения святынь, кстати имеющая место и в настоящее время, направлена в сторону сохранения и увековечения сакрально значимых объектов. Образно говоря, паломники уносят с собой кусочек памяти, заключенный в материализованном фрагменте святыни, с тем, чтобы сохранить память о ней, создав новый объект почитания.

Таким образом, можно констатировать следующее. Всегда практика намеренного разрушения сопровождается созданием новых культурных ценностей. Проблема «памя-

ти-забвения» в культуре оказывается напрямую зависима от господствующей здесь и сейчас идеологической парадигмы, в рамках которой предаются забвению не вмещаемые в

ее «прокрустово ложе» феномены истории и актуализируются наиболее адекватно отвечающие ей факты и явления культуры.

Примечания

1. Благодарю своего коллегу кандидата исторических наук, доцента А.Г. Васильева за ценные замечания и мысли, высказанные в процессе обсуждения данной темы.
2. Йерушалми, Й.Х. ЗАХОР («Помни»): еврейская история и еврейская память [Текст] / Й.Х. Йерушалми. – М.: Мосты культуры, 2004. – С. 49.
3. В данном случае нас интересует не вопрос его исторической подлинности или объективности, а проблема фиксации в коллективной памяти христиан определенных событий, которые повлекли за собой их мемориализацию или намеренное увековечение в специально создаваемых на этих местах культовых постройках и возникновение и развитие в связи с этим особого культа почитания.
4. Указание на этот факт не означает, что автор статьи является апологетом или сторонником православия. Однако недооценивать значение приоритетных направлений в современной культурной политике России не следует.
5. Кадырбаев, А.Ш. Рабы, ставшие властелинами. «Черкесские» мамлюки в Египте и Сирии (1382-1517 годы) // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 12. – М.: ИВ РАН, 2007. – С. 73.
6. Проскинитарий Арсения Суханова // Православный Палестинский сборник [Текст]. – СПб., 1889. – Т. VII, Вып. III, кн. 21. – С. 147-148.

Е.Е. Шеховцова

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ НА ПОСТУПКИ РИМСКИХ ИМПЕРАТРИЦ

Проблема влияния детских впечатлений на поступки римских императриц Статья раскрывает проблематику контекста социально-политической и историко-культурной проблемы «женщина и власть».

Y.Y. Shekhovtsova

THE PROBLEM OF INFLUENCE OF CHILDREN'S IMPRESSIONS ON ACTS OF THE ROMAN EMPRESSES

Article reveals problematics of a context of a sociopolitical and historical-cultural problem «the woman and the power».

Исследователи не раз обращались к описанию периода детства римских императриц [3], то есть этапа жизни, продолжающегося от рождения до полной социальной и, следовательно, психологической зрелости [17]. Однако до сих пор существует лакуна в характеристике влияния детских впечатлений будущих императриц и в целом памяти на их поведение в тех или иных жизненных ситуациях во взрослые годы.

Изучение вопроса о детских впечатлениях императриц представляется актуальным при анализе «микропроцессов» и «микромеханизмов» жизни общества, индивидуального

уровня социального бытия исторических деятелей, так как личность человека формируется в первые годы жизни под воздействием глубинных внутренних процессов, в том числе конфликтов с ближайшим окружением [27. С. 5].

Мы попытались извлечь информацию о детстве римских императриц из доступных нам источников, проанализировать влияние детских впечатлений на поведение и поступки императриц в их зрелые годы. В качестве гипотезы будет выдвинуто предположение о